

Леонид Беспамятных

У ИРТЫША

Сборник рассказов в формате DOC

Леонид Беспамятных У Иртыша. Сборник рассказов в формате DOC

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42541028

ISBN 9785449674258

Аннотация

В книге более полусотни рассказов и повесть о послевоенном поколении, а также людях современной России. Предназначена для широкого круга читателей всех возрастов.

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	5
1. РОЗЫ ДЛЯ МАРИИ	8
2. ЗЕМЛЯЧОК	13
3. СЫН ТАНКИСТА	17
4. ЦАРЕВНА – РЫБА	22
5. У ИРТЫША	30
6. ПУТЕШЕСТВЕННИЦА	35
7. БАБА – ЯГА	41
8. ВАНЯ ИЗ ДЕРЕВНИ ПЕНЬКОВО	47
9. ДЕРЕВЕНСКИЕ	54
10. ДУША	63
11. ШУРИК ИЗ КИНА	65
12. КНИГОЛЮБ	70
13. СЕРДЦЕ	76
14. СЛУЧАЙ	81
15. ПРОМАШКА	84
16. ЗАБОР	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

У Иртыша
Сборник рассказов
в формате DOC

Леонид Беспмятных

© Леонид Беспмятных, 2019

ISBN 978-5-4496-7425-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

- Розы для Марии 5
- Землячок 6
- Сын танкиста 8
- Царевна – рыба 11
- У Иртыша 16
- Путешественница 18
- Баба – Яга 21
- Ваня из деревни Пеньково 25
- Деревенские 28
- Душа 34
- Шурик из кина 35
- Книголюб 37
- Сердце 39
- Случай 42
- Промашка 43
- Забор 46
- Вредная привычка 47
- На берегу старицы 51
- Толик – выдумщик 54
- У речного пирса 58
- Кошкино болото 61
- Иван —Виллис 64
- Незадача 67
- Сибирячка 71
- Заковыка 75

- Тезисы Хрущева 78
- Доверчивый Валька 82
- Засада 83
- Тертый калач 84
- Стожок 87
- Черный омут 88
- Задумка 92
- Это вам не баран чихал! 94
- Крокодил 97
- Культпоход 99
- Витины мамы 102
- Лялочка 103
- Семечки 106
- Рассеянный 108
- Гадкий утенок 110
- Птичьи уловки 111
- Ночные страхи 113
- Судьба 115
- Чудо – пила 119
- Озорники 121
- Пацаны 123
- Простая история 126
- Доцент 128
- Зной 130
- Привада 134
- Ивановы хлопоты 138
- Первое апреля 143
- Дядя Саня 146
- Пелемяш 150

- В аэропорту 154
- Западня 157
- Однажды 162

ЖИЗНЬ В ГОРОДЕ (Рассказы бабушки Насти) 165

1. Декабрь 1923 года 165
2. В центре Омска 166
3. Случай на Мещанской 167
4. Курсы ликбеза 168
5. Мариупольские землянки 169
6. На бирже труда 171
7. Ливень 172
8. На копейку – досыта! 173
9. Морковный чай и кулага 174

Шаги по жизни 176

1. РОЗЫ ДЛЯ МАРИИ

Она подошла к нему на вечере встречи выпускников школы.

– Привет, Игорь!

Он растерялся, увидев бывшую соседку по парте, румянец залил щеки.

– Какая ты, Маша, красивая!

Проговорили весь вечер, танцевали. Долго потом бродили

по улочкам села, обменялись номерами телефонов. Утром он уехал в Омск.

Игорь после окончания школы служил два года в армии, в этом году заканчивал учебу в институте. Преддипломную практику в январе проходил на станции Называевская. Они часто созванивались.

В тот день Маша позвонила ему в общежитие, когда Игорь был в депо. К телефону подошел Аркадий, однокурсник. Когда вечером Игорь вернулся в общежитие, Аркадий сказал ему:

– Звонила Маша с вокзала. Приехала, у нее здесь тетушка живет. Ждет тебя к восьми вечера вот по этому адресу.

Протянул Игорю листок бумаги с адресом, улыбнулся:

– Просила не опаздывать. Представляешь, у нее сегодня день рождения! Игорь растерялся.

– Вот те на, а я и не знал...

Тут Аркадий еще добавил:

– Самое главное: она сказала, чтобы не покупал подарок, а приходил с розами...

В комнате воцарилось молчание.

– Ничего себе! – изумился Женька, сосед по комнате. – Розы зимой – дефицит. А сколько Маше исполнится лет?

– Получается, двадцать семь. Мы с ней одногодки.

– Вот столько роз и надо подарить...

Женька тут же стал одеваться.

– Попробую выручить друга.

Через час он вернулся.

– Ну, Игорь, – сказал он, – Ты теперь на всю жизнь будешь моим должником.

Достал я розы для твоей Марии!

...К восьми вечера Игорь подошел к двухэтажному дому.

– Ой! – воскликнула Маша, когда он вошел в квартиру. –

Что это?

– Розы!

– Нет, это надо же! Мои самые любимые цветы! Вот чудо – то!

– Ну, Маша, как? Нравятся?

– Если хочешь знать, Игорь, мне неудобно. Ты, наверное, всю стипендию ухайдокал? Я же предупредила, чтобы приходил без подарка...

Игорь смутился.

– Но ты же, Маша, сама сказала Аркадию про цветы...

– Про какие цветы?

– Чтобы я приходил с розами...

Маша рассмеялась.

– Игорь! Извини, но Аркадий, видимо, недопонял меня!

Все дело в том, что на двери тетушкиного подъезда розы нарисованы – свадьба была на прошлой неделе. Я и сказала: «Пусть Игорь подойдет к подъезду с розами...»

– Ну? Так там – темнота, ни одна лампочка не горит...

– Вот тебе и ну...

Через полгода они сыграли свадьбу. А на входе в подъезд

своего дома Игорь в тот день нарисовал розы – символ красоты и благородства.

2. ЗЕМЛЯЧОК

Есть у меня друг, Валерий Иванович – заядлый рыбак и весельчак к тому же. Живет на берегу Иртыша, в центре города. Вчера с утра звонит по сотовому:

– Землячок! Может забежишь? Жена рыбный пирог пе-

чет.

– Надо же! – изумился я. – Где наловил рыбки, если не секрет?

– Это совсем не секрет, МЧС на реке лед подрывает, так тут столько рыбы... Я давеча целое ведро насобирал.

– Как же так? А мне? А еще друг...

– Извиняюсь, конечно, виноват, кто же спорит. Сейчас пойду и тебе наберу, – он сделал паузу, – я тут долго говорить не могу – рыбу чищу, весь в чешуе...

– Ну, понятно, так я – мигом, – говорю, стал собираться.

«Вода – то в Иртыше ледяная, – размышляю на ходу, – так и ревматизм недолго заработать».

Вспомнил тут про сачок, что в магазине прошлым летом купил.

«Вот и пригодился!» – обрадовался я. Звоню Валерию Ивановичу:

– У меня на даче есть сачок для рыбы. Может, добежать?

– Правильно мыслишь, валяй, только побыстрей!

И вот через час стою перед его домом. Позвонил по телефону, но никто не отвечает.

«Никак, ушли с женой на берег рыбу собирать для меня», – думаю. И пошел на набережную. Смотрю, а Иртыш почти весь еще закован в лед, на берегу лишь влюбленные парочки прогуливаются.

«Ну, дела! – я глазам своим не поверил. – Где же он ведро рыбы насобирал?»

Набираю его номер по сотовому телефону, но он не отвечает.

«Может это на Омке лед взрывали?» – подумал я, ведь от его дома до Омки минут десять хода.

Набрал снова, вдруг слышу, женский голос:

– Реанимация слушает.

– Какая реанимация? Извините, ошибочка, видимо, вышла.

– Вы кому звоните? – спрашивает женщина. Я назвал фамилию.

– Не звоните сюда! Ему уже стало лучше, но он лежит под капельницей...

– Как это – под капельницей? – мне стало не по себе. – Что вы говорите?

В трубке раздались короткие гудки.

«Вот, – думаю, – незадача! Рыбной костью подавился, что ли?»

Пошел я, вдруг слышу: кто – то меня зовет. Оглянулся, смотрю, а это его жена. Татьяна. Поздоровались, она говорит:

– Валеру скорая помощь в больницу увезла!

– Когда? – удивился я.

– Три дня назад. Представляешь! Я тут переживаю, а он сегодня утром звонит и пытается меня разыграть...

– Как это?

– Так сегодня же 1 апреля, – она хмыкнула, – но я не дура, меня на мякине не проведешь.

Усталилась на меня, спрашивает:

– А ты, чего это, Леня, с сачком стоишь?.

Я прямо оцепенел.

«Ой, не могу! – до меня, наконец – то дошло, – Как же я не догадался? Попался на розыгрыше, как пацан».

И такой смех напал на меня – хохотал как безумный. А чуть позже выяснилось, что Валерий Иванович успел еще и старшую медсестру разыграть. Рассказывал потом мне, что все больные так хохотали, что врач в реанимацию прибежал.

Вот такой у меня землячок, нигде и никогда не унывает.

3. СЫН ТАНКИСТА

Часа в три дня Емельяна разбудил стук в окно.

– Петрович? – удивился он, увидев председателя садоводческого кооператива. – Ты чего?

– Смотрю, никак, и днем, Емельян, дрыхнешь?

– Да притомился немного...

– Дача горит у Омки, Емельян! Вставай скорее...

Емельян выскочил на улицу, как ошпаренный. Тут же ощутил запах гари. Дул сильный ветер.

– Дай мне твой сотовый, – встретил его у калитки Петрович. – У меня аккумулятор сел пока с пожарной частью вел переговоры...

Добавил:

– Забирайся, Емельян, на сторожевую вышку и смотри оттуда. Как бы еще огонь на другие дачи не перекинулся. Я туда деда Егора уже послал.

Взобравшись на вышку Емельян поздоровался:

– Здравствуй, деда!

Дедок лет восьмидесяти стоял к Емельяну спиной, рассматривая сверху садовые участки в бинокль. Не обернувшись, спросил:

– А ты кто?

– Что не узнал меня, деда?

– Емельян, что ли? Здорово!

– Гляди, что деется. А отчего пожар – то?

– Да есть тут один «фрукт». Говорят, юрист по образованию... Вздумал с утра пал пустить, десять дач запылали. В голове – то у него, видать, мякина...

– Это уж точно, – согласился Емельян.

– Гляди! – дед дернул Емельяна за локоть, – пожарные в город возвращаются.

Сплюнул на землю и уселся на табуретку. Достал из кармана брюк платок и стал утирать лицо.

– Да, Емельян, в этот раз повезло, я думал, что сгорим все при таком ветрище... Ох во! Ну и погода! Пекло!

Тяжело вздохнув, продолжил:

– В жизни ничего подобного не видел... С огнем шутики плохи!

Вдруг он осекся, хлопнул себя по лбу.

– Впрочем, нет, вру, Емельян. Было и пострашнее. Дело прошлое, в декабре сорок четвертого у нас случился пожар на ферме, ветер тоже сильный был. Я, пацаненок, на всю жизнь тот пожар запомнил. Жуть от жути! Мамка тогда ногу сильно повредила, но колхозный скот и часть сена все же удалось людям спасти.

Дед Егор закашлялся:

– Вечером прибежала мамкина сестра с почты и говорит: «Егорша! Ваш папка ночью в эшелоне будет мимо проезжать, просил к железнодорожному разъезду подойти».

«Откуда знаешь?» – мамка спрашивает. Сама – вся перебинтованная, в кровати лежит.

«Один знакомый связист передал».

Мамка мне тут же говорит:

«Егорша! Ступай, сынок. Живо!»

– Об чем разговор? – закивал я головой и стал тут же собираться. А старшая сестренка Маня услышала разговор и пристала: возьми, Егорша, да возьми...

«Папка Маню сильно любит, – думаю, – надо ее обязательно взять. Увидит – обрадуется!»

Добирались до разъезда с Маней более двух часов, продрогли. Стоим, значит, на перроне. Тут на соседних путях

остановился состав с подбитыми немецкими танками, видимо, на переплавку. Подходит тетенька в железнодорожной форме.

«Ой! Дед Мороз со Снегурочкой! Откуда вы, дети?»

– Я, тетенька, сын танкиста, а это моя сестренка Маня. Мы папку встречаем. Честно рассказал ей все, как есть. Она оглянулась по сторонам и говорит:

«Папка – то где воюет?»

«В войсках 1-го Белорусского фронта. Танкист», – с гордостью отвечаю.

«Вот она – папкина работа!» – на разбитые немецкие танки показываю.

«Замерзли, небось? – она говорит. – Шутка ли, такой путь пешком проделать». Посмотрела на Маню.

«Девочка – то твоя единственная сестричка?» – спрашивает.

«Не – е! – отвечаю. – Три братика и три сестры еще дома с мамкой остались».

Дед Егор задумался, словно вспоминая что – то.

– Любопытно вот что: она нас не прогнала с перрона. Наоборот, тулуп даже вынесла. Набросила его на нас.

«И когда, наконец, эта проклятая война закончится? – говорит. – Никто не знает».

– Я знаю! – говорю ей.

«Откуда, мальчик?» – горько усмехнулась она.

– Папка в последнем письме с фронта написал, что им

осталось два главных населенных пункта взять.

«Это какие?» – она спрашивает.

– Варшаву и Берлин. – отвечаю. – Вот тогда и война закончится.

«Это, видать, не скоро будет», – усомнилась она.

– Скоро! Вот увидите! – убежденно сказал я.

Кряхтя, дед Егор поднялся с табуретки.

– Позже она нас чай пить позвала в свой домишко у разьезда.

Дед Егор замолчал, направился к лестнице.

– Ну и как, сын танкиста, встретились с отцом?

– Какое там!.. Не встретились. Представляешь, Емельян!

За ту ночь мимо нас проследовало аж пять эшелонов. И все без остановки... Мы с Маней к каждому эшелону выбегали.

Машем руками и кричим: «Папка! Папочка!..»

– Ну и что было дальше?

– От него в феврале письмо пришло. Написал, что Варшаву взяли, что гонит фашистов на запад, теперь, мол, до Берлина – рукой подать. Ох и радости, Емельян, было в тот день!

Отец – то написал, что видел на перроне нас с Маней в ту ночь! Оказывается, он танки с завода на фронт сопровождал для своей части. Говорит, слезы не смог сдержать, всем гвардейским экипажем плакали. Вот такие, Емельян, дела...

Болезненно поморщился.

– Ты там поосторожней на даче – то с огнем.

– Ясное дело! – улыбнулся Емельян.

4. ЦАРЕВНА – РЫБА

Рыбачил однажды. Смотрю, сосед по даче подошел. Владимир Максимович, ему восьмой десяток.

– Что за времена настали, а? – спрашивает. – Неужели непонятно людям, что природа гибнет?

Лицо – в глубоких морщинах, глаза слезятся.

– О- хо – хо, гляди, сосед, что деется – сейчас в поле жаворонка не услышать. Аль не так?

– Да, пожалуй, – согласился я. – А куда же они подева-

лись, а?

– А вот куда, – продолжил Максимович, – раньше ведь как было: ежегодно опыляли леса, вредителей и не было. А сейчас из – за клещей боязно в лес ходить, их там видимо – невидимо. А сколько земли зарастает сорняками – мама не горюй!

– Ну, а как рыба – то? Клюет? – он показал мне глазами на поплавок.

– Что – то совсем клева не стало... Лишь мелюзга балуется.

– Скажи, ты про рыбу калугу когда – нибудь слышал?

– Нет, не приходилось.

– Ты бы на Зею или Амур порыбачить выбрался, вот где рыбалка!

Беседовать с Максимовичем для меня – одно удовольствие. Все внимание – ему.

– Мой дед Егор Вавилович жил в деревне Выдринка, недалеко от Могилева. – он продолжил свой рассказ. – Жили в тех краях бедновато. А тут начались столыпинские реформы. Небось, знаешь про них?

– А как же...

– Столыпин обещал выделить богатые земельные наделы переселенцам, освободить от налогов и службы в армии.

Тяжело вздохнув, Максимович уселся на валежину, закурил.

– Однажды заехал в деревню один мужик из Приамурья,

рассказал о бескрайней тайге, полной ягод и грибов, о богатых охотничьих угодьях. Хвалился: «Я, мужики, хотите – верьте, хотите – нет, за прошлую зиму девяносто шесть косуль в тайге завалил»...

Максимович пристально посмотрел на меня:

– Представляешь, каково это было полуголодным людям слушать? Но слова – это слова, деревенские решили послать ходока в те края на разведку. Собрали денег, сколько смогли. Егора Вавиловича на общем сходе избрали ходоком. Он сначала не соглашался, но уговорили его. Ему надо было добраться до реки Зеи – притоку Амура. Не каждому, конечно, это по силам, но он добрался. Ему тогда четвертый десяток шел.

Я слушал рассказ Максимовича, изредка вставляя слово – другое:

– И сколько времени у него ушло на дорогу туда и обратно?

– В аккурат, два года. Дорога ведь дальняя. Дед потом рассказывал, что больше шел пешком. Около костра приходилось частенько ночевать...

– Ничего себе! – изумился я.

Максимович на полуслове оборвал рассказ, так как у меня запрыгал поплавок. Затем продолжил:

– Понравилось ему одно место у реки: большая поляна, недалеко озеро, а вокруг – сопки, тайга. Красотища! Всей деревней поехали на новое место жительства со всем сво-

им скарбом, на лошадях добирались. Начали осваивать выделенные участки земли, строили жильё.

– А как деревню назвали?

– Воронжа. Среди переселенцев было много из воронежской губернии. И вот потихоньку жизнь у людей стала налаживаться. «Скоро заживем!» – думали переселенцы, да не так вышло...

Максимович мрачно смотрел себе под ноги. Набежавший ветерок чуть не сорвал с него шляпу.

– Слушай дальше. Дед мне в детстве рассказывал много про крестьянина Банкузова. Насчет имени – позабыл я, память дырявая, ну, да это не суть важно. У него жена померла еще в Выдринке, он приехал с двенадцатью сыновьями. Младшему было всего девять лет. Представь себе: тайга, стволы вековых деревьев парни валят, а отец командует и посмеивается: «Да мы, сыны, такой губернией и горы свернем!»

Так и шли годы. Про голод позабыли: научились сою выращивать. Охотились, рыбу ловили, корзины плели. Свадьбы играли. Чего еще людям надо?

Я закивал головой. Максимович вздохнул:

– Только тут. Первая мировая война подоспела. Власти нарушили обещание, стали и переселенцев призывать. Пришлось подчиниться. Крестьянин Банкузов всех сыновей на фронт проводил.

Максимович закурил новую папиросу и продолжил дрог-

нующим голосом:

– И все его сынки сложили головы... Представляешь? Это какое же отцу надо иметь сердце, чтобы все это выдержать?! Он после последней похоронки ходил по деревне сам не свой, плакал:

«Всю мою губернию погубили!»

Меня аж в озноб бросило, а Максимович, опустив голову, сказал:

– Умом тронулся, а вскорести и помер...

Он прислонился спиной к березе и долго неподвижно смотрел на реку.

– Я это к чему рассказываю? Мне, выросшему в таежной глубинке, память не дает покоя, столько было приключений!.. Хочешь я расскажу тебе про калугу?

– Интересно бы...

– Слушай. Рыба эта водится, в основном, только в Амуре. Отец рассказывал мне, что однажды бакенщик Бабаедов около деревни Большая Сазанка на Зее поймал громадную калугу. Было это еще до революции. А тут пароход проходил рядом, остановился. Пассажиры высыпали на палубу, увидев чудо – рыбину. Среди них было много иностранцев. Владелец парохода стал торговаться с бакенщиком, мол, продай для ресторана. Сторговались. Так вот бакенщик на эти деньги купил потом четыре коня, десять коров и построил дом. Не веришь?

– Да ну! Быть такого не может! – усомнился я. – Бай-

ки это...

– Сам не поверил бы, если бы не отец... Корова – то в те времена стоила около пяти рублей и даже меньше. А он ту калугу продал по шесть рублей за килограмм веса...

Я от удивления присвистнул:

– Ну уж, ты скажешь...

– А что? Если на то пошло – это не только вкуснейшее мясо, но и много икры... У калуги и скелет не из костей, а хрящевой. Отец рассказывал, что на его глазах из четырехметровой калуги вынули несколько ведер икры.

– Черной, что ли?

– Конечно. Черная икра всегда была украшением самых изысканных столов. Я уже и про поплавок совсем забыл. Максимович бросил в костер сушняк, весело заиграли в огне сухие сучья.

– Ее ведь не зря царицей – рыбой называют. Знаю случаи, когда вес калуги был больше тонны... Не веришь?

– Чудеса, да и только! – перебил я Максимовича. – Сколько живу, а впервые слышу.

Мелькнула мысль: «Надо в интернете почитать про эту рыбу».

Максимович посмотрел на меня насмешливым взглядом и продолжил:

– Отец на Зее любил рыбачить, а также много охотился. В 1940 году он у одного охотника купил ружье немецкой фирмы «Зауэр». Чтобы купить это ружье, продал корову

и телку.

Максимович задумался, словно вспоминая то непростое время.

– Любопытно вот что: отца в армию в июле сорок третьего забрали, а вечером такой ливень начался!.. За сорок минут все огороды залило водой. Урожай, конечно, весь погиб. Что делать? У мамы – восемь детей, да дед Егор. Пришлось ей обменять ружье на три мешка муки и тридцать семь мешков картофеля у знакомого китайца... Тут у берега вдруг начался лягушачий концерт. Максимович встрепенулся:

– Кстати, мой дед в тридцать четвертом году еще раз отличился. Он на колхозной пасеке в тот год меда много накачал. И решило правление командировать его на ближайший военный аэродром, медом летчиков угостить. До того понравился военным мед, что они восьмидесятилетнего Егора Вавиловича даже на самолете в воздух подняли. Он пять раз пролетел над поселком, покачивая крыльями. Представляешь, каким героем он был в те дни перед сельчанами!

– Тебе, Максимович, надо было историю в школе преподавать. Интересно слушать, – сказал я вслух, а сам подумал: «Выговориться надо было человеку».

– Это верно. – ответил Максимович. – Когда учился в институте, то даже стих про это сочинили друзья на день рождения, вот послушай:

– Старик! Не ты ль рожден копаться в древней пыли?
На историческом коне,

Ты ускакал бы очень прытко,
Но жаль, не сделал и попытки...

Тут Максимович, подвинув на носу роговые очки, глянул на меня:

– Небось самому захотелось царевну – рыбу поймать, а?

– Какую царевну – рыбу?.. Тут кошке бы наловить...

Максимович неуклюже поднялся, протянул руку.

– Что устал от меня? Да и старуха меня уж потеряла. Пойду я, – и он посеменял по измятой дождями тропинке.

В тот вечер я в интернете нашел много интересного про царевну – рыбу. Я позвонил ему и признался:

– Максимович! Правда твоя про калугу – то!

Начал рассказывать про случай, когда под Хабаровском выловили калугу весом полторы тонны.

– Что ж тут удивительного: все живем одним днем, – вздохнул он и положил трубку.

5. У ИРТЫША

Серафима и Игнат однажды чаевничали. Тут к дому повозка подъехала.

– Никак, ветеринар, появился? – Игнат из – за стола встал.

– А чего собака – то молчит? – удивилась Серафима.

– А он их гипнотизирует, – усмехнулся Игнат.

Зашел в избу парень лет тридцати.

– Здравствуйте, хозяйева! – поздоровался он.

– Здорово, коль не шутишь! Проходи, а то стоишь, будто

ругаться приехал, – отозвался Игнат. – Ты, Николай, видать, специально к нам ехал?

– Выходит так. Заявку делали?

– Опоздал... Пришлось овечку самим лечить... Чай пить будешь?

– Это я завсегда. – ветеринар стал скидывать с себя фуфайку.

– Ты, говорят, Николай, гипнотизер, что ли? Это правда? – поинтересовалась Серафима.

Ветеринар рассмеялся:

– Да запросто! Работа у меня такая. Мне не привыкать.

– Наслышана! Не каждому дано такое... Растолкуй мне, как это удастся собак умирять?

– Да как... Внушением. Чего проще?

Серафима налила чай в кружку. Игнат поинтересовался:

– Ты, Николай, никак, сейчас на центральную ферму поедешь?

– Да, дядя Игнат. С дочкой елку собрались наряжать.

– Меня с собой не возьмешь?

– А почему не взять? Ружьишко только захвати. Косачей я приметил у затона.

Ехали вдоль Иртыша. Дорога – колдобина на колдобине. Игнат снова затеял разговор про гипноз.

– Скажи, Николай, а быка загипнотизировать сможешь? Аль не дается?

– Не пробовал, дядя Игнат, а вот курицу – запросто.

– А ты попробуй! Цены тебе не будет, как ветеринару...

– Ну уж. Ты, дядя Игнат, скажешь.

– А что? Точно говорю.

Ветеринар вздохнул, стал закуривать. Затем повернулся к Игнату и замер...

– Гляди, дядя Игнат, волки, однако! – он резко дернул Игната за локоть.

– Где? – не поверил Игнат. Обернулся: точно волки от реки появились. – Этого еще не хватало! Смотри, след в след идут!

Ветеринар огрел лошадь кнутом. Испуганный конь разом перешел на галоп, задевая копытами передок саней.

– Ну чё, гипнотизер? – закричал Игнат, доставая патрон-таж из рюкзака. Бросил хмурый взгляд на ветеринара. – Что уши развесил? Давай, гипнотизируй, что ли, пока патроны с картечью заряжу.

Ветеринар молчал, только судорожно дергал вожжами.

– Ну, попробуй, пособи мне! – сам Игнат двухстволку перезаряжает. – Я серьезно, едрить твою корень!

– Охолопись, дядя Игнат! Ты что офонарел?

Игнат закончив перезарядку, махнул рукой.

– А – а, ну с тобой все ясно! Болтун ты чистой воды, а не гипнотизер!

Оглянувшись через плечо, он увидел, что волки упорно сокращают расстояние, Ветеринар, нахлестывая лошадь, покрикивал:

– А ну, давай, давай, Рыжуха!

Передний волк, видимо, вожак, был уже метрах в полста.

– Стреляй же, дядя Игнат, а то – слопают! Мало не покажется... Вон как прут!

Игнат привстал на колени, ждал момента...

– Подавятся!

Прицелился и бабахнул. Дуплет расколол тишину. Передний волк подпрыгнул и упал на снег.

– Ну, то – то! – закричал Игнат. – Совсем другой коленкор!

Добавил:

– Это – аванец вам, разбойники, от меня!

И тут же стал перезаряжать двухстволку.

К их удивлению, вся стая разом завертелась около вожака.

– Смотри, дядя Игнат! – закричал ветеринар, – они, никак, на него напали!..

– Точно! Кровь почуяли, рвут на части! – Игнат присел на солому. – Само собой. Хищники. Нехай рвут!

Действительно, было видно, что волкам сейчас не до повозки... Разом спало напряжение. Игнат прерывисто дышал. Посмотрел на ветеринара.

– Испужался чуток? Жив, аль нет?

– Жив покудова, – промямлил тот и нервно рассмеялся.

– Да, Николай, подфартило нам... Магарыч с тебя...

Представляешь, я ведь на косачей сначала патроны зарядил.

– Еще бы, дядя Игнат. А я подумал: все, отжили... Счи-

тай, вся спина холодным потом покрылась.

Когда подъехали к ферме Игнат сказал:

– Ты не обижайся, я же, глупая моя голова, пошутил давеча насчет гипноза. Конечно, волк – не собака.

Уходя, обернулся и спросил:

– Ты вот в цирке, Николай, хоть раз дрессированных волков видел?

– Нет, не приходилось...

– Вот и мне тоже.

Добавил:

– Гипноз – гипнозом, но ружье – то с собой всегда беру...

– Теперь – то, дядя Игнат, и ежу понятно...

– То – то, – буркнул Игнат и пошел по улице.

6. ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Никита Сергеевич Хрущев подъезжал к своему дому на Ленинских горах, как вдруг видит: около дежурного офицера охраны у ворот стоит девочка и плачет.

Велел водителю остановиться. Вышел из машины.

– Что такое? – спрашивает.

Офицер отдал честь и говорит:

– Да тут, Никита Сергеевич, девочка какая – то странная.

– Что за девочка?

– Говорит, что приехала, мол, одна на поезде в Москву и заблудилась...

– А откуда она?

– Говорит, что из Забайкалья.

– Из Забайкалья, говоришь? Пожалуй, надо познакомиться.

Взял девочку за руку.

– Здравствуй! Как тебя звать?

Девочка перестала всхлипывать, вытерла ладонью слезы.

– Здравствуйте, дедушка. Таня я.

– А сколько тебе, Таня, лет?

– Мне, дедушка, уже восемь лет, я перешла в третий класс.

Хрущев улыбнулся.

– А меня узнаешь?

Она сделала удивленные глаза и рассмеялась:

– Чудной вы, дедушка! Если сами себя не знаете, то откуда я должна вас знать?

Он смутился.

– Я Никита Сергеевич Хрущев, – шляпу снял, стал платком пот вытирать. – Слышала про меня?

Она отдернула руку, отошла на шаг.

– Вы это, дедушка, всерьез, что ли?

Стала пятиться, взмахнула руками:

– Ой, мамочка! И правда! Как же я вас сразу не узнала? Слышала, как же...

У нее покраснело лицо.

– А родители – то у тебя есть?

– Как же, есть: папка машинистом в депо работает, а мамка домовничает.

– Это правда, Таня, что ты из Забайкалья одна добиралась до Москвы?

– Ага. Одна.

– Поди, без билета?

– Без билета ехала. Не верите? Чистая правда.

– Выходит, что зайцем?

– Выходит так, – смутилась Таня. – Живем рядом со станцией. Я незаметно прошмыгнула мимо проводницы и забралась на верхнюю полку. Москву захотелось посмотреть. Представляете, какая я смелая?

– Это не смелость, Таня. Родители, поди, сейчас убиваются, ищут тебя. Как же можно без спроса?

– Вот так и добиралась. Вагон – то общий, народу – битком всю дорогу. Мир не без добрых людей – меня весь вагон кормил.

Она подошла поближе.

– Мне повезло – тетенька-проводница попалась очень добрая, всем говорила что я ее дочка.

– Проводница должна была известить милицию. – вмешался в разговор дежурный офицер.

– А я сказала ей, что меня мама на вокзале в Москве будет встречать.

Никита Сергеевич укоризненно покачал головой:

– Все равно, нехорошо старших обманывать. В такую даль в одном платице, без денег?

– Почему без денег? А я копилку свою раскурочила – мою кошку.

– Как это – раскурочила? – удивился Никита Сергеевич.

– Очень просто. Три года копила, а когда денежную реформу объявили в прошлом году, то разбила копилку... Там медных монет – аж на двадцать четыре фантика...

– Это каких еще фантиков?

– Это дедушка так новые рубли называет, а старые – портянками...

Дежурный офицер, с трудом сдерживая смех, отвернулся.

– Так у тебя и дедушка есть?

– А то как же, есть, конечно. Моего дедушку все знают в поселке. Он – машинист, как и папка. Герой Советского Союза. На бронепоезде немцев гнал от Москвы.

– Вот, оказывается, какие люди живут в Забайкалье!

Было видно, что Таня совсем осмелела. Она продолжила:

– А еще, мой дедушка – миллионер.

– Как это? – удивился Никита Сергеевич. – Он что сейчас в Америке живет?

– Нет, что вы... У него значок есть за то, что больше миллиона километров без аварий проехал.

– Вон оно что! – рассмеялся Никита Сергеевич. – Да, героический дедушка у тебя! Тебе надо быть похожей на него.

– Как это? – удивилась Таня, – Вы что смеетесь? Как девочка может быть похожей на своего дедушку? У него же усы и борода...

Вот такой примерно разговор происходил летом 1962 года во дворе жилого комплекса на Ленинских горах, где проживал Никита Сергеевич Хрущев. Эту историю рассказал мой сосед по даче. Он после окончания института работал начальником участка. А бригадиром у него работал Михаил, старший брат Тани.

Михаилу так и не удалось, узнать у сестренки все подробности ее приключений в Москве. На все вопросы она только пожимала плечами и отмалчивалась.

Единственное, в чем призналась Таня брату, что сильно боялась отцовского ремня. Но обошлось, ведь ее сопровождал работник милиции. Она, конечно, стала местной знаменитостью, молва о ее встрече с Хрущевым прокатилась по всему поселку.

Уже нет давно Советского Союза. Остались лишь в памяти воспоминания о тех днях и людях. Что несет нам XXI век? Поживем – увидим...

7. БАБА – ЯГА

Завязкой этой истории стал поход Федора на базар, что находился около старой мельницы.

– Яблоки!.. Уральские!.. Гри – б – о – ч – ки!..

Грибочки белые!..

«Голос знакомый... – насторожился Федор. – Неужели Роман?»

Присмотрелся, точно, Роман, с которым когда – то были не разлей вода, служили в одной батарее. Перед Романом на прилавке стояла корзина с яблоками, рядом красовались кучки белых грибов.

Федор остановился напротив.

– Роман! Привет, дорогой!

Тот даже присел за прилавком. Шумно обрадовался:

– Бааа... кого я вижу?! Федор! Какие люди, и без охраны!

Стали обниматься, дружески хлопая друг друга по спине.

– Как жизнь – то? А ты, я вижу, не теряешь зря время...

– Торгую вот... А как выживать? На мою пенсию в семь тысяч ведь не разбежишься.

– А кого из наших старых знакомых встречал?

– Как же, многих встречал. Как – то твою Ингу встретил.

– Какую Ингу? – лицо у Федора вытянулось. Он изменился в лице

– Да что со студенческого общежития. Неужто забыл?

– Ну как забыл, – Федор грустно улыбнулся. – ничего я не забыл...

Об Инге Федор услышал впервые от Романа, который вернулся из отпуска в часть:

– Представляешь, Федор! Подружка сестры смотрела фо-

тоальбом, а как увидела тебя на фото, говорит:

«Рома! Какой видный парень! Познакомь с этим сержантом, а?»

– Что за подружка?

– Инга. Знаешь, девушка, каких поискать: ямочки на щеках, в институте учится.

Как ты на это смотришь? Познакомить?

Федор тогда не понял – шутит ли Ромка или говорит серьезно.

Слово за слово, принялись вспоминать приятели времена армейской службы. Однажды подвернулся случай – в командировку надо было съездить в город, где училась в институте Инга.

– Мигом туда – обратно! – сказал командир Федору, – Запчасти, сержант, получите на заводе и бегом на поезд!

– Повезло мне, – говорит Федор другу, – давай адрес общежития, заеду к Инге.

Он с вокзала первым делом поехал в общежитие. Смотрит, на вахте красивая девушка по телефону разговаривает. Обратился к ней: так, мол, и так, разрешите пройти в сотую комнату.

– Вы, сержант, интересно, к кому там?

– К Инге. Знаете ее?

– Знаю, а как же... Нет ее сейчас. Я ее подружка. Звать меня Сима.

Федор спешил, надо было успеть все оформить на заводе.
Расстроился.

Девушка положила трубку и продолжила:

– Инга – на репетиции институтского драмкружка, ее режиссер попросил задержаться.

– А я не знал, что Инга играет в драмкружке.

Девушка кокетливо улыбнулась:

– Если на то пошло – я тоже играю в том же спектакле.

– Это интересно! А вы кого играете?

– Принцессу.

«Глаза, нос – все как на картинке. Такой красавице только и играть принцесс! – пронеслось у Федора в голове».

– О! Это здорово! Поздравляю! А Инга?

Девушка прыснула:

– Вы не поверите, Бабу Ягу.

Федор растерялся:

– Шутите, небось? Как это Бабу Ягу?

А сам думает: «Ну, Ромка! Разыграл, получается».

Она пристально посмотрела на него с улыбкой:

– Именно роль Бабы – Яги и играет ваша Инга, чистая правда.

– Сима! Передайте ей, что Федор к ней заскакивал. Я в полночь обратно в часть уезжаю с железнодорожного вокзала. Пятый вагон.

– Обязательно передам, – пообещала девушка.

К полночи дождь стал лить как из ведра. На перроне суе-
тилось много людей.

«Вот он, желанный миг», – обрадовался Федор, когда уви-
дел девушку, которая спешила к их вагону. Высокие каблук-
и, плащ обтягивал тонкую талию.

«Она?!» – екнуло его сердце.

Девушка подошла и откинула капюшон плаща.

– А – а! – растерялся Федор. Взгляд ее глаз резанул словно
бритвой, – Сима, что, ли?

– Я, – улыбнулась она. Ладонью провела по его ще-
ке. – Принцессу, сержант, не ожидали? Или вам нужна Ба-
ба – Яга?

– Нехорошо вышло, – Роман посмотрел на друга с сочув-
ствием, – что Сима не сообщила Инге о твоём визите в об-
щезитие, нехорошо... И тебя, Федор, угораздило поддаться
соблазну... Как понять тебя, а?

– Согласен. Неловко как – то получилось... – закивал го-
ловой Федор. – Сам сломал себе жизнь...

– С кем не бывает... Знаешь, но я не рассказал тебе самое
главное. – встрепенулся Роман. – Представляешь, однажды
читаю газету, а там – про Ингу... Она, оказывается, удосто-
ена звания Героя Социалистического Труда... Мне – то она
ничего об этом не рассказала при встрече.

– Инга? Быть такого не может...

– Не веришь – возьми сам прочитай в газете, – обиделся

Роман. Я – то был уверен, что ты читаешь газеты. Неужто не знал?

– Нет, конечно. Подумать только... А я тогда в пятьдесят восьмом подумал, что ты меня решил разыграть, обиделся. Вот тебе и Баба Яга... Где она теперь? Надо полагать, в столице живет?

– А то где? Знамо дело, в столице.

Тут у Федора зазвонил сотовый телефон.

– Сима! Что опять случилось? Не переживай, – сказал он в трубку. – Я через час буду.

Поморщился:

– Вечно недовольная...

Протянул руку Роману:

– Ну, я пошел. Жена ждет.

Роман посмотрел на него с сочувствием:

– Возьми грибочков, угощаю, – засуетился он. – Принцессы ведь любят деликатесы.

Федор, повернулся было уходить, но вдруг остановился.

– Послушай, Роман, а про меня Инга не спрашивала?

– Ну как же, спрашивала...

– Не понимаю... Ничего не понимаю... Я ведь ее так и не увидел ни разу... Получается, такую девушку потерял...

Хотел еще что – то сказать, но слов не нашлось... Так и пошел к воротам рынка, не оглядываясь.

8. ВАНЯ ИЗ ДЕРЕВНИ ПЕНЬКОВО

Ваня – механизатор со стажем. Однажды наградили его путевкой в подмосковный дом отдыха.

– Поезжай, – обрадовалась жена. – Даром все – таки. Отдохнешь малость, по магазинам походишь. Две недели в доме отдыха пролетели быстро, вот и домой пора. Приехал он на железнодорожный вокзал, а до отхода его поезда еще более четырех часов.

Зашел в магазин – глаза разбежались. Чего только нет!.. Купил мандаринов на всю родню, краковской колбасы по три рубля за килограмм. Багаж сдал в камеру хранения. Потом задумался: куда еще сходить?

– Дай, – думает, – до ГУМа доеду, в Мавзолей схожу.

Сказано – сделано. Зашел в ГУМ, а там – сутолока, большая очередь на втором этаже. Поинтересовался, чего дают? Сказали: трикотин выбросили.

– Эко диво! Вот Глаша обрадуется! – сообразил Ваня.

Давка, где кончается очередь – сразу и не разберешь. То тут, то там выкрики:

«Вы здесь не стояли!» или «Понаехали тут!», а то и «Куда прешь?!»

Работая локтями, он минут через сорок добрался до кассы. Весь мокрый. Восемьдесят рублей заплатил.

– Заверните, девушка, – попросил продавщицу, – отрез на платье.

Только к выходу из Гума подошел, смотрит, а на полу – бумажник. Ваня растерялся.

– Товарищи! Кто потерял бумажник? – громко спрашивает. Все на него уставились. Он еще раз спросил, сам к бу-

мажнику не притрагивается.

– Не может быть? Нашелся! – Ваня обернулся, а передо ним – негр... Высокий, ладно скроенный, хорошо одетый. Тот негр поднял бумажник, достал из него паспорт, еще какие – то документы, деньги в иностранной валюте.

– Все на месте! – говорит по-русски, но с акцентом. Паспорт показал, а там, действительно, его фотография.

– Джамба, – представился он Ване.

– Откуда, товарищ, родом? – спрашивает его Ваня.

– Ангола. Африка, – отвечает.

– А я Иван. Из Сибири. Деревня Пеньково, – руку протянул.

– Спасибо! – сказал Джамба. – Мне завтра домой лететь, а тут – такая неприятность. По такому случаю с меня – коньяк.

– Не приучен я к коньякам, – усмехнулся Ваня, – да мне еще и в Мавзолей надо сходить.

Джамба удивился отказу.

– Тогда пообедаем вместе, что ли? – спрашивает.

– Это я не против, – согласился Ваня. Зашли в небольшое кафе. Джамба столик заказал. Разговорились о том, да о сем. Ваня расслабился: про охоту на волков стал рассказывать. А Джамба – про крокодилов и носорогов, про сына своего Симбу...

Слов нет, время быстро пролетело. Засобирался тут Ваня в Мавзолей.

– Зачем? – Джемба спрашивает.

– Надо... Сыну и жене буду потом рассказывать.

– Тогда вместе пойдем, – сказал Джемба. И они вышли из кафе.

Но оказалось, что со стороны ГУМа проход на Красную площадь закрыт турникетами. Обогнув здание, увидели большую очередь. На площади – куда ни глянь – иностранцы с фотоаппаратами. Ваня своим стареньким ФЭД-2 Джембу на фоне кремлевской стены фотографировать стал. Тут милиционер сказал, чтобы сумки и фотоаппараты в камеру хранения сдали. Ваня собрался идти, но Джемба остановил его.

– Там очередь большая, – говорит, – лучше под одежду спрятать.

Сам же сказал, что ему, дескать, позвонить надо по телефону – автомату, отошел куда – то. Ваня послушался совета, не пошел в камеру хранения. Зашел за угол здания, объектив фотоаппарата отвинтил, в левый карман полушубка положил. Сам же корпус – в правый, а отрез трикотина спрятал под свитер. На все пуговицы полушубок застегнул, встал в очередь.

Тут вдруг слышит:

– Гражданин в заячьей шапке! – Ваня вздрогнул: шапка – то у него заячья.

Видит – к нему идет мужчина в гражданском. Подошел и берет под руку.

– Прогуляемся.

– Зачем? – спрашивает Ваня.

– Стало быть нужно, – отвечает мужчина. Тут еще и милиционер подошел.

Ване смешно даже стало.

– Тоже мне, – говорит, – вздумали кого арестовывать. У меня, товарищи, двадцать три года трудового стажа и аж семнадцать почетных грамот, а еще я ударник двух пятилеток...

Подвели к какой – то двери.

– Зайдемте, – предложил мужчина, а сам дверь открывает. Вошли в небольшую комнату. Там за столом милиционер сидит.

– Ну, вот и пришли, – начал разговор который в гражданском. – Что у вас в карманах полушубка?

И говорит:

– Сымайте.

Ваня полушубок стал снимать, а отрез на пол выпал. Подал полушубок милиционеру.

– Ничего там особенного нет. Эх вы! Передовика сельского хозяйства не пускаете к вождю. Я, что оскорбил кого? У меня поезд через полтора часа.

– В вырезатель тебе надо, а не на поезд, – хмыкнул милиционер и стал куда – то названивать...

Тут который в гражданском извлек объектив из кармана полушубка.

– А как это понимать? – спрашивает. Из другого кармана

достал корпус фотоаппарата.

– Как?.. Обыкновенно. Это меня негр надоумил не сдавать вещи в камеру хранения.

– Это какой еще негр? – насторожился который в гражданском.

– Джамба. Он из Африки.

– Так... А нельзя ли подробнее? – попросил который в штатском.

Только начал Ваня рассказывать, как открывается дверь, в комнату заходит Джамба. На лице – тревога. Ваня оторопел от неожиданности. А Джамба подошел к милиционеру, какой – то документ под нос ему сует.

– Пардон, господин, – угодливо улыбнулся милиционер Джамбе, – вышла ошибочка.

Конечно, конечно... Забирайте вашего друга.

– Ну и ну! – рассмеялся Джамба. – Всю Красную площадь избегал. Айда, Иван, за мной!

Около ГУМа их ожидал легковой автомобиль. Как оказалось, Джамба – работник торгового представительства. Когда приехали на вокзал, водитель из багажника достал гармонь в футляре.

– Это твоему сыну, – сказал Джамба. – А это жене. – Он протянул красивую брошь.

– Спасибо! – растерялся Ваня. Тут объявили об отправлении поезда.

– Надо сфотаться, – говорит Ваня. Попросил проводника

сфотографировать их с Джамбой на перроне. Уже из тамбура Ваня крикнул:

– Приезжай, Джамба, ко мне в Пеньково, не пожалеешь! В баньке попаримся. Жаль, конечно, что в Мавзолей не попали...

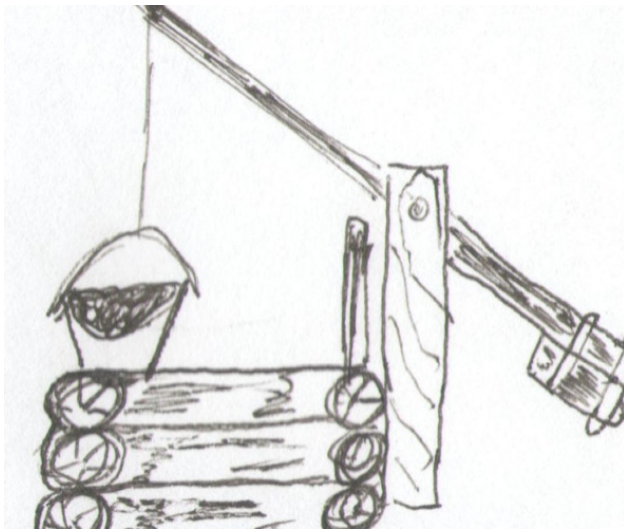
Деревенские сначала не поверили Ивану, когда он рассказал им о своих приключениях в Москве. Не поверили и фотографии с Красной площади. «Нашел, чем удивить, – говорят. – в Москве негров – навалом».

А когда мужики увидели ту фотку с перрона, где он – с баньком и Джамба – рядом, то тогда поверили...

Вот такая история произошла с Ваней из деревни Пеньково.

9. ДЕРЕВЕНСКИЕ

Надумал Федор в город съездить. Говорит жене:

– Ты, Наталья, собери меня – в Омск поеду.

– Зачем, Федя?

– С ваучерами хочу разобраться. Адрес одной конторы добрые люди подсказали, может, пристрою. Не отдавать же их задаром спекулянтам.

– Поосторожнее, Федя, в городе, – предупредила его же-

на. – Сказывают, что на вокзале в наперстки завлекают поиграть. Вон, сосед, намедни весь аванец там оставил.

– Да слышал я! Потерял или прогулял, поди, а на других сваливает.

Утром, боясь разбудить ребятишек, Федор свет не включал. Еще не рассвело, когда автобус выехал из деревни. В дороге он заметил, что девушка, которая сидела напротив, как – то странно посматривает на него и улыбается.

«– С чего бы это?» – заволновался он. А та его спрашивает:

– Дядя Федор, а почему у вас валенки разного цвета?

Федора в жар бросило, когда посмотрел на валенки: действительно, один – серого цвета, другой – черного.

– Ба, спасибо! – смутился он. Стал тут же оправдываться, что одевался, мол, в темноте...

Приехав в город, колебался недолго. Других вариантов не было: решил позвонить Коляну, бывшему однокласснику, жил тот рядом с автовокзалом. Опустил двушку в телефон – автомат.

– Федька? – удивился звонку Колян. – Ты, что ли? Не ожидал! Забегай, конечно, я дома один. Жена спозаранку в бассейн уехала.

– Сколько лет, сколько зим! – обрадовался Колян с порога. Вдарили по рукам, обнялись.

– Раздевайся, чай попьем, квартиру покажу.

Федор смущенно топтался в прихожей:

– Елки – палки! Да у тебя, верно, не квартира – дворец. А я тут, как медведь, наследил. Извини, что побеспокоил, но тут конфуз приключился – валенки я разные в темноте напялил. Вот, смотри. Как по городу в таком виде?

– Это, – усмехнулся Колян, – ничего, бывает. Какой разговор! Сейчас что-нибудь сообразим. Вот, пожалуйста. Держи! – он протянул унты. Федор примерил – хороши.

– Ну, как дела в деревне? – спросил Колян у Федора, когда прошли на кухню.

– Живем, хлеб жуем, – ответил тот. – Ребятишки подрастают. Я вот свою «Волгу» в трактор переделал.

– Как это? – удивился Колян.

– Дизель от трактора Т-25 поставил. Правда, выхлопная труба, как перископ на подводной лодке торчит...

– Ну, ты, Федя, даешь!

– Зато теперь на ней сено заготавливаю, дрова вожу...

– О, как интересно! – улыбнулся Колян. – Надо к тебе на охоту заскочить.

– А как, Колян, у тебя жизнь? Деревенские говорят, как сыр в масле катаешься? Все в порядке у тебя?

– Более чем, – отвечает Колян. – Торгую на рынке, на жизнь хватает. А как же иначе? Ну, посуди сам, на фабрике, где работал, зарплату выдавали только продукцией. Одним словом, тряпками...

– Слышь, Колян, а может, кто из твоих друзей мне поможет ваучеры выгодно вложить? – спохватился Федор. – Что-

бы дивиденды шли...

– Само собой. Что же ты сразу не сказал! Конечно, помогу, – сказал Колян и, взяв телефон, позвонил куда – то.

– Незадача, – сказал он. – Олега на работе пока нет.

– А кто он? – спросил Федор.

– Старший брат жены. Его фирма, где он работает, ваучерами занимается.

– А вдруг не примут?

– Примут. Поедешь к нему, скажешь, что от меня. Кстати, Федя, как там, Петрович поживает?

– Да у него несчастье, по весне волки бычка порешили.

– Да ты что?

– Да уж, не повезло Петровичу, так не повезло, – заметил Федор.

– Погоди, Федя. Весной, говоришь?

– На майские праздники.

Колян сделал паузу.

– Ты, Федя, прямо оглоушил меня. Дело в том, что именно на майские праздники мы с Олегом завернули на пасеку к Петровичу, когда с рыбалки мимо проезжали. Дело было в субботу. Заехали, а он, оказывается, в райцентр со своей бабулей укатил. Что делать? Не теряя времени, я решил тут баньку истопить. А Олегу посоветовал по лесу с ружьем пробежаться.

«Ступай, – говорю, – да к баньке не опоздай».

Олег чай недопитый оставил на столе и ушел за огороды.

Вернулся через пару часов. Петровича все не было, мы попарились в баньке и дальше поехали. Меня тогда насторожило то, что Олег всю дорогу вел себя странно, молчал. А на другой день он позвонил и рассказал, что в субботу обнаружил около увала волчье логово, а рядом с логовом – четырех маленьких волчат. Тут же мне признался, что всем волчатам подрезал сухожилия на задних лапах...

Я его стал ругать тут же:

«Что ж ты, Олег, наделал, голова твоя безмозглая! Это же надо додуматься – живых волчат так изуродовать!»

А Олег сказал, что собирается в начале зимы снова до пасеки доскочить, по первому снегу, дескать, легко догонит и кнутом перебьет их всех. Представляешь? Стал тут же хвастаться, что уже договорился со знакомыми цыганами о том, что привезет им волчьи шкуры, даже по цене сторговался. Цыгане, мол, любят волчьими шкурами свои повозки украшать.

– Это, как же? Он с ума сошел! – ахнул Федор. – Жадность обуяла, это верно. Ведь судя по всему, волки по следу Олега и пришли на пасеку, чтобы за волчат отомстить. Надо же как бывает! Слушай, Колян, я передумал обращаться к твоему родственнику, сам с ваучерами разберусь...

Тут же сменили тему разговора.

– А я, не думал, Колян, что ты станешь торгашом, – улыбнулся Федор. – Помню, что в школе ты мечтал выучиться на агронома...

– Федя! То были заблуждения молодости. Вот ты, на пятерки учился в школе, а что толку? Ты не обижайся, но я хоть не был отличником, но в этой жизни, думаю, получше тебя стал ориентироваться. Ну – ка, пошли за мной!

С этими словами Колян подошел к стеллажу в прихожей. Забрался на табурет, снял с полки коробку с яркими наклейками.

– Смотри сюда!

– Это что еще? – спросил Федор. – Посуда, что ли?

– Чешский хрусталь, – объяснил Колян, – Принеси-ка из ванной стремянку, до верхней полки не могу дотянуться. Я тебе сейчас такое покажу...

Только Федор сделал пару шагов, как за спиной раздался грохот. Оглянулся, а Колян – уже на полу. В руках держит фарфоровую вазу, на паласе валяются бело – розовые осколки.

– Ну дела! – произнес Колян, потирая ушибы. – Сервиз «Мадонна» расколотил. Попадет теперь от Зинули...

И только сказал, глядь – дверь открывается, входит женщина невысокого роста, полная. Федор опешил, его словно молнией ударило. Стало ясно: вляпались.

«Хоть бы обошлось», – подумал он.

Колян заговорил первым:

– Глянь, Зин, какой у нас гость! – Кивнув в сторону Федора, продолжил. – За одной партой сидели...

– Здравсьте!.. – Федор представился, а у самого мурашки

по спине поползли.

Женщина окинула Федора цепким взглядом, молча подошла к Колян.

– Ну ты, Коля, и гусь! – протянула Зина. На ее лице проступили розовые пятна, – Ничего себе! Как это ты умудрился?

Колян встал с колен, растирая разбитый локоть, стал оправдываться:

– Да пойми же, Зина, я не специально...

– Не ругайте его, Зина, – встрял Федор, заискивающе улыбаясь.

– У вашего друга, Федя, в голове не мозги, а опилки! – грубо оборвала она его, разглядывая то, что осталось от сервиза. – Аль не так? Неудачник он, Федор. Спасибо моей мамуле, что квартиру подарила. Так и жили бы в коммуналке. Все наши друзья давно на иномарках ездят, а он – на «шестерке». А почему? Потому, что вы, деревенские, – очень доверчивые, все этим и пользуются.

– Ты, Федя, ее не слушай. Сейчас наговорит, что попало, – вздохнул Колян.

Зина хмыкнула:

– Мои подруги с мужьями всю границу уже объехали, а этот, видите ли, на крутинские озера любит ездить... Это, мол, Зина, покруче Швейцарии...

– Все твои желания, Зина, – блаж. Доиграешься у меня! – обреченно махнул рукой Колян.

– А ты не пугай, не пугай, – перешла Зина в атаку. По ее лицу пробежала надменная улыбка:

– Ты бы поучился у Олега, как надо деньги зарабатывать.

Федор видит – дело плохо, вышел в прихожую, стал побыстрому одеваться.

– Я, Колян, пойду. Загостился тут у вас.

Колян вышел вслед за ним на лестничную площадку.

– Ну и житуха у тебя! – Федор поежился, закурил нервно. – Холодно, как в нетопленной хате.

Добавил с усмешкой:

– Вернее сказать, в ледяном дворце...

– Сказать тебе правду? – Колян стукнул пятерней по стене, – если честно, то моя жизнь давно пустая и никчемная... Надоело все – не то слово.

– А ты брось эту жизнь, Колян! – перебил его Федор. – На твоём месте я бы шапку в охапку и – в деревню. Я тебе дело говорю.

– Невозможно, – замялся Колян, – кредит на днях взял...

Федор не унимался:

– А почему и нет? Недавно женщина из Свердловска приехала. Симпатичная, деловая. Магазин свой открыла. Чудная, правда. На той неделе зашла в гости. Наталья угостила ее рыжиковым маслом. Спрашивает она Наталью:

– А сколько надо собрать грибов, чтобы получить литр масла? Дадите рецепт?

Федор рассмеялся:

– Представляешь? У них на Урале приволье грибникам, очень много рыжиков в лесах. Пришлось ее на зерновой ток сводить, показать из чего у нас масло рыжиковое добывают.

Спыхватился:

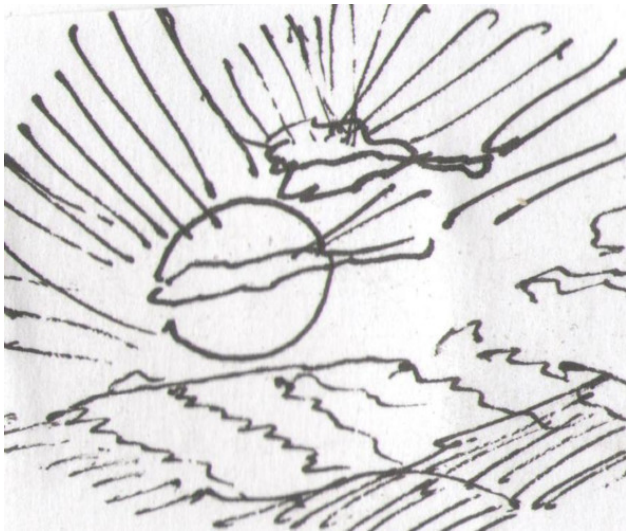
– А ты чего унты – то не взял? Стоишь, Федя, как бомж, в этих валенках...

Федор добродушно улыбнулся:

– Сам ты, Колян, бомж! – и пошел к выходу.

10. ДУША

Однажды решил исповедоваться. Отошел только от бабушки, чтобы причастия дожждаться, а у меня – слезы...

Вытираю, а они льются, льются...

«Вот незадача, – думаю.– Платок уже весь мокрый, а поделать ничего с этим не могу».

Тут бабушка подошла лет восьмидесяти. Посмотрела на меня:

– Наверное, сынок, только что покаяться?

– Да, – отвечаю.

– Поди первый раз в жизни?

– Да, бабушка. Грешен.

– А что тут, сынок, тогда странного? Это душа твоя радуется, что, наконец, у нее появилась надежда на спасение... Вот и слезы... Поплачь, сынок. Это на пользу...

Продолжила:

– Вот ведь как бывает! Живут люди, бегут, бегут, а о своей душе им и вспомнить некогда. А душа – то в смятении, тревоге...

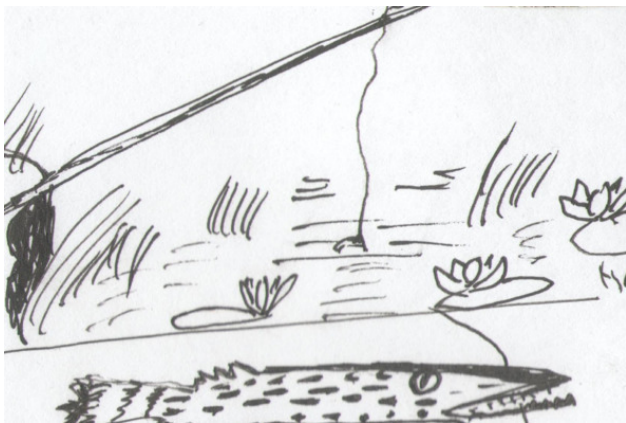
Пристально посмотрела на меня, как бы спрашивая: ну, что на это скажешь?

– Ничего, – добавила, – не все еще, видать, потеряно. Господь дает свободу каждому человеку: либо спасти свою душу либо нет...

Перекрестила меня. На том и расстались.

11. ШУРИК ИЗ КИНА

«Помню, в восемьдесят пятом рыбачили мы со сватом на Иртыше, – начал свой рассказ сосед по подъезду. – Я с берега пристроился, а сват ловил с лодки, метрах в пяти от берега. Рыба клевала хорошо, грех обижаться: в основном, ерш, чебак, окунь. Костер у воды разожгли, уха в котелке уже источала ароматы. Рядом со мной рыбачил мальчишка из соседней деревни. Славка. Ловил он на мотыля. Смотрю, после очередного заброса у него поплавок резко повело в сторону, разом утопило. Леска натянулась, как струна. Подсечка! На наших глазах выбросил на берег леща. С килограмм, а может и поболее... Через минут десять еще такого же леща поймал.

– Ишь ты! – обрадовался Славка. – Как лапти!

Мы со сватом поздравлять его стали, но тут на дороге, что над обрывом шла, легковая машина резко тормознула. Водитель из машины выскочил, капот приподнял. Пар повалил.

– Закипел движок, что ли? – вздохнул сват. – Такое бывает, если водитель с головой не дружит. Жара – то вон какая!»

Смотрю, к нам по тропинке мужчина – очкарик направляется. Я подумал, что это инспектор рыбнадзора, струхнул.

– Извините, – спрашивает мужчина, – можно около вас немного посидеть? Машина перегрелась.

– Пожалуйста, – говорю ему.

Мужчина уселся на корягу, стал смотреть на Иртыш. Река торопливо катилась вдаль. Мимо проходил пассажирский пароход.

– Поразительно! – заметил он, – Какой изумительный вид!
Красота!

– Еще бы! – согласился я, – Какой может быть разговор!
Смотрю, сват перестал удить, с интересом наблюдает за незнакомцем. Тут водитель с ведром к реке подошел. Стал воду набирать.

– Александр Сергеевич! – говорит он мужчине. – Не забудьте позвонить на киностудию, когда приедем в гостиницу.

Сват тут к берегу причалил:

– Надо же! Я, кажется, вспомнил! Смотрю, лицо больно знакомое! Не вы ли тот самый Шурик из кина про операцию «Ы», что ли? Вот тебе и раз! А я вас узнал сразу, честное слово!

– Меня – то? – слегка покраснел мужчина. – Да будет вам.

Слово за слово, разговорились. Сват совсем осмелел:

– Позвольте пригласить вас прокатиться по Иртышу на моей моторке!.

Однако, тот – ни в какую. Мол, времени мало, встреча с кинозрителями через пару часов.

– Нет, так нет, – огорчился сват – А жаль, такая досада. Да нешто я не понимаю. Самому вечером на смену идти, на мясокомбинате подрабатываю.

– Я, кстати, однажды на мясокомбинат с месяц ходил, как на работу», – оживился мужчина.

– Как это? – не понял сват.

– Дело прошлое. Снимался фильм «Порожний рейс». Мне

досталась роль молодого журналиста, который едет на грузовике в деляну, но попадает в сильную пургу.

– Помню этот фильм.

– Так получилось, что не успели снять фильм зимой, вот и пришлось съемки заканчивать на мясокомбинате. Поставили наш грузовик в огромную холодильную камеру. Там и снимали.

– Вот интересно – то! – изумился сват.

– А роль водителя грузовика досталась Георгию Юматову.

– Знаю актера, человек редкой судьбы, – заметил сват. Он прямо не знал, как вести себя. Потом вдруг нашелся:

– Испробуйте сибирской ухи, не откажите.

– Хорошо, так и быть, – неожиданно согласился мужчина. – Только чуточку. Самое поразительное, однако, в том, что я не очень люблю откровенничать с незнакомыми людьми. А тут разговорился.

– Кстати, – заметил сват. – Мой отец тоже был связан с кино. Работал киномехаником, шесть деревней за ним в районе было закреплено. Кинопередвижку возил на лошадке. Электричества ведь не было, приходилось лентопротяжный тракт и динамомашину крутить вручную. Занятие, конечно, малоприятное. Так он наладился перед показом шапки собирать с пацанов, которых бесплатно в клуб пропускал. Динамомашину покрутил – получай шапку обратно! Его однажды даже патефоном наградили за хорошую работу.

Вздыхнул:

– Раньше для людей было как праздник – сходить в кино.

– Забавно. Очень забавно, – улыбнулся мужчина.

– Кстати, как уха? – спросил сват.

– Во! – Сказал мужчина, подняв большой палец. – Отличная уха!

– А я что говорил! – обрадовался сват. – Уха на берегу – мечта каждого рыбака! Нет вкуснее рыбы, которую сам поймал и сам приготовил.

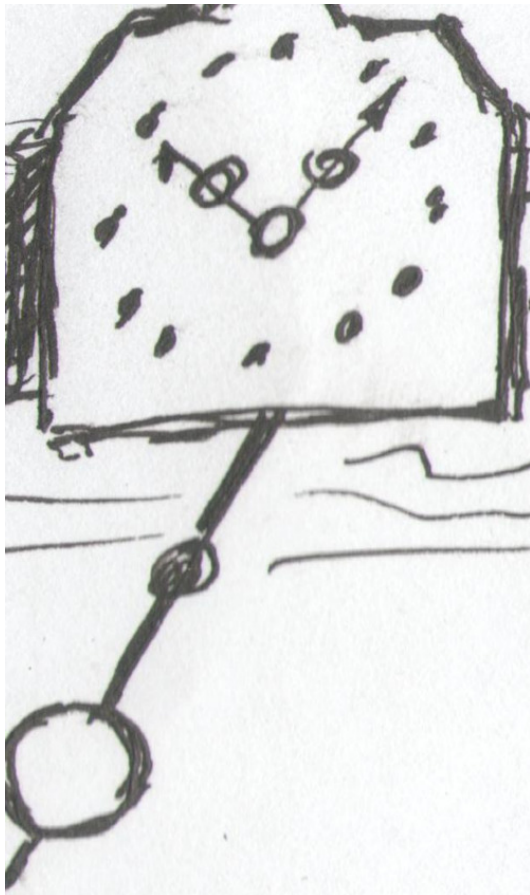
– Я тронут. Очень тронут вашим гостеприимством, товарищи, но мне пора.

Сват потом еще долго сокрушался:

– Кому рассказать – не поверят!»

12. КНИГОЛЮБ

Как – то по весне выхожу из подъезда, а в дом въезжает новый русский.

Подходит тут ко мне сосед, тоже пенсионер, Михаил Петрович. Поздоровался по ручке и говорит:

– Надо же, какие книги на мусорку выбрасывают: Купри-

на, Чехова, Лескова, Дюма, Золя... И не жалко...

– Не может быть? – удивился я.

– Я серьезно. Не веришь – сходи посмотри, – обиделся Петрович.

– Только что всю подписку Льва Толстого рабочие мимо пронесли.

Подошли мы с ним к мусорке. Смотрю, действительно, гора книг на земле. Тут же пластинки разбросаны: Утесов, Окуджава, Бернес...

Петрович наклонился и, взяв книгу, прочитал: Жюль Верн «Дети капитана Гранта».

«Надо же! Такая книга и лежит в пыли...» – обожгла меня обида.

Два дня спустя мне позвонил Михаил Петрович, попросил забежать, а заодно пообещал сюрприз... Зашел я через полчаса к нему, а он спрашивает:

– В Одессе приходилось бывать?

– Нет, – отвечаю.

– А я там служил на флоте. Со своей Машей там и познакомился.

Михаил Петрович широким жестом пригласил пройти в зал. Вид у него был взволнованный. Смотрю, книжные полки от пола до потолка. На антресолях расположились тома Пушкина в золотисто – оранжевом обрамлении. Я осторожно прикоснулся кончиками пальцев к разноцветным кореш-

кам переплетов:

– Библиотека – то, Петрович, классная у тебя!

– Я книжки читаю, будто семечки грызу, – признался он. – Протираю их влажной тряпочкой каждую неделю, чтобы пыль не оседала.

На тумбочке я увидел старенький радиоприемник с проигрывателем.

– Узнаешь аппарат? – спрашивает Петрович.

– Как же! Радиола «Рекорд».

– Ну, так слушай, – пластинку ставит. – Песня про меня.

Сначала раздалось шипение, треск, а потом я узнал знакомый голос Утесова:

«Ты одессит, Мишка,

А это значит, что не страшны тебе

Ни горе, ни беда.

Ведь ты моряк, Мишка,

А моряки не плачут

И не теряют бодрость духа никогда,»

Смотрю, у соседа веко задергалось. Он, отвернувшись к окну, проговорил:

– Представляешь, сосед, у меня теперь аж четыре пластинки с песнями Утесова! Надо же а? Прямо не верится. Это же почти все его записи с 1930 года – подарочная коллекция.

Хитровато улыбнулся, подошел к книжному шкафу:

– Я всю подписку Льва Толстого давеча с мусорки прита-

шил. Представляешь, позолоченные корешки! А что? При советской власти, бывало, всю ночь в очереди простоишь у магазина «Подписные издания», в списках надо было отмечаться.

– Самому приходилось стоять, – поддержал разговор я.

Михаил Петрович добавил:

– Капитализм пришел! Кто бы мог подумать, что жизнь так переменится?

Он горестно вздохнул:

– А беспокоиться причины были тогда: дождь пошел, ну я и давай их перетаскивать. Спасибо, Маша помогла.

– Будет тебе, – отмахнулась от него Мария Николаевна, – натащил макулатуры и радуется.

Она накинула на стол красивую скатерть.

– Не поверите? Он может часами говорить о книгах. Миша! Угости гостя чаем, а я пойду булочки из духовки достану.

...Я хотел забежать на пять минут, а просидел у них два часа. Петрович ставил пластинку за пластинкой, Мария Николаевна угощала булочками. Затем они стали танцевать, под песню «У самовара я и моя Маша».

Смотрю, а самовар – то уже остыл, они принялись петь песни на два голоса, у них это хорошо получалось...

Приехал я сегодня с дачи. А тут телефон звонит. Взял трубку, а это – Петрович.

– Приходи, Викторovich, вечером на чай. Жену захвати.

Будем пластинки Бернеса слушать...

13. СЕРДЦЕ

Работал в девяностые годы на ТЭЦ заместителем началь-

ника цеха. Ежегодно приходилось сдавать экзамены по технике безопасности. И вот, сдавая очередной раз экзамен, я не смог «оживить» манекен. Его все звали Гошей.

– Вы неправильно делаете искусственное дыхание, – оставила мои действия инспектор.

– Что вы говорите! – возмутился я. – Шестой год работаю, а вы ко мне, как к новичку?

– Приходите еще раз, – уперлась инспектор. – Но имейте в виду, спрос будет строгим. Готовьтесь хорошенько!

Из – за этого мне еще и месячную премию урезали, в отпуск непустили. Ох, и зол я был на инспектора! Но деваться некуда: принялся вечерами перечитывать инструкции. Несколько раз приходил в кабинет техники безопасности и «истязал» того Гошу так, что у него все лампочки мигать начинали.

Экзамен все же я сдал, но обида на инспектора осталась...

Где – то через неделю после сдачи экзамена позвонил родителям в деревню – справиться о их здоровье. Мама трубку взяла, слышу, взволнованная, просит:

– Позвони, Леня, попозже. Только что отец зашел в дом – все лицо в крови...

Я забеспокоился. Позвонил снова через пять минут.

...Оказывается, отец корову за деревню с утра пасти повел. Нашел там хороший лужок, решил к дереву ее привязать. Только нагнулся, а корова взяла да головой и крутнула. Рогом глаз отцу и выбила...

Пока отца довели до райцентра, а потом и до города – врачи не смогли уже глаз спасти. В довершении всего, еще и сердечный приступ случился. Инфаркт.

...И вот полгода спустя, приехал он снова в город на обследование в диагностический центр. Мы с ним рано утром встали. Никак такси не можем поймать. Тут как раз автобус тормознул, заскочили в него.

Автобус переполнен, духотища, все места заняты. Я попросил молодую девушку место отцу уступить. Она же притворилась, будто спит. Стоявшая рядом пожилая женщина возмутилась:

– Надо же! Ухом, девица, не ведет...

Отец же махнул рукой, говорит:

– Ничего, постою...

Минут через десять вижу, что отцу трудно стоять. Обратился я снова к той девушке. А она сделала недовольное выражение лица и отвечает:

– Пенсионеров развелось – уму непостижимо! Дома не сидят, а только знают, что по городу кататься... Я, между прочим, тоже устала. Ничего, постоит ваш папаша!

Я попытался ей объяснить, что человек приехал из деревни, что инвалид... А она мне в ответ:

– Вот на печи и лежал бы там вместе со своей бабкой...

И громко рассмеялась.

В автобусе началась перепалка. Смотрю, отец расстроился, стал задыхаться. Мы тут же вышли из автобуса на оста-

новке, я положил его на скамейку, расстегнул ворот рубашки. Тут подошла пожилая женщина, стала хлопотать около отца.

– Вы, случаем, не врач? – спрашиваю ее.

– Работала до пенсии, – отвечает она. – У него нет пульса.

Надо срочно вызывать скорую помощь.

Народ нас обступил со всех сторон, подбежали милиционеры. Попросил их, чтобы вызвали скорую помощь, а сам опустился перед отцом на колени, плачу, стал искусственное дыхание и массаж сердца делать.

– Я все правильно делаю? – спрашиваю врача.

– Молодой человек! Я удивляюсь, как вы профессионально все выполняете.

Смотрю, машина остановилась с медиками. Врачи подошли, но развели руками – поздно, умер, мол, мужчина... И уехали...

– Не останавливайтесь, молодой человек, ради бога, продолжайте! – кричит мне врач – пенсионерка, сама с милиционерами тормознула реанимобиль – машину кардиологической помощи. Подбежал к той машине с мольбой о помощи. Медики тут же отца – в фургон, приставили к его груди дефибриллятор. Тело от дефибриллятора содрогнулось. Они – еще раз, еще раз! Укол ему за укол. И тут случилось чудо! Сердце у отца заработало!

Далее была реанимация в областной больнице, месячный реабилитационный период. Сколько народа лежит в больни-

це! Не выдерживает сердце человека современных нагрузок. Как – то сижу в палате и ругаю мужиков, что курят. Нельзя, мол, курить при больном сердце и все тут!

Поворачивается ко мне лицом сосед отца. Лицо бледное, глаза невеселые. Ему лет сорок пять, капитан милиции.

– Что толку, Викторович, что я в жизни не курил, не пил? – говорит мне тот капитан.

На второй день пришел я в палату, а мне говорят, что капитана ночью не стало, как ни боролись врачи за его жизнь...

Так что 5 мая 2000 года отец как бы заново на свет родился и прожил еще пять лет. А инспектору по технике безопасности я вручил букет цветов.

14. СЛУЧАЙ

Вокруг текла городская толпа. Везде очереди, не пробиться никуда.

– Скажите, где у вас тут... м-м-м... туалет? – спросил Василий прохожего. Интересующий его объект оказался за углом большого магазина, в полуподвальном помещении. Стальная дверь распахнута наружу – заходите.

Сидит за столиком лысый мужик лет сорока, глянецвый журнал читает. Судя по лицу – откровенно скучает. Стол завален рулонами туалетной бумаги. Что бросилось сразу в глаза, так это идеальная чистота. Кругом кафельная плитка, зеркала, рукомойники. Канарейка в клетке. В углу – пальма в кадке, рядом сидит парень – крепыш, видимо, охранник.

Василий от удивления даже присвистнул:

«Ешкин кот! Куда я попал? Туалет – то, поди, платный?»

Дело в том, что свой кошелек Василий в рюкзаке с продуктами в машине кума оставил. Тот мешок картошки сыну – студенту Косте повез в общежитие. Обещал через полчаса вернуться.

Василий пошарился в карманах для верности – пусто. Деваться некуда, подошел к столику и начал несмело:

– Товарищ! Тут такое дело случилось, полный абсурд. Кошелек с деньгами я оставил в машине кума, а у меня нужда приключилась. Прямо помираю – выручай, браток. Я ить мухой. Кум вернется, рассчитаюсь...

Лысый глаза на Васю поднял, окинул его оценивающим взглядом и вежливо отвечает:

– С какой стати, уважаемый? Не положено! Туалет-то платный, – сам в журнал уставился, всем видом давая понять, что разговор закончен.

Увы, вежливый тон не утешил Василия:

– Но как же так?! Я в город приехал за триста верст,

не ближняя дорога! Да к тому же я в совхозе – передовик производства. Пусти уж, – чуть не со слезами взмолился Василий, сам с ноги на ногу перетаптывается.

Лысый, криво усмехаясь, отвечает:

– Ты какой – то... интересный мужик. Я тебе русским языком говорю: нельзя без денег! Это кооперативное заведение, здесь не только нужду можно справиться, но, к примеру, и руки с шампунем помыть. Вот совсем недавно купили машинку для чистки обуви.

Усмехнулся:

– Вы, деревенские, привыкли в своих туалетах только облегчаться, а ведь это место, где люди себя еще и в порядок приводят. У нас ведь даже утюг имеется. Можно и брюки погладить.

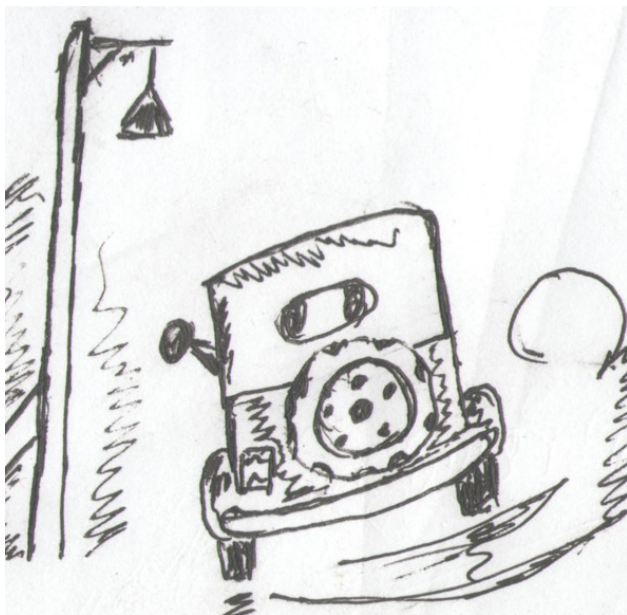
Отвернулся от Василия и стал безучастно смотреть на клетку с канарейкой, словно никого рядом не было.

Василий совершенно упал духом. Понимая безисходность своего положения, заторопился к выходу...

Вечером Василий снова заглянул в это полуподвальное помещение, но уже с кумом и с его сыном Костей.. Молча, подав смотрителю деньги за вход, они проследовали в кабинки. Выйдя, долго приводили в порядок свою обувь на машинке для чистки. Затем, открыв баул, Костя стал вытаскивать простыни и потребовал утюг...

Вот потеха была...

15. ПРОМАШКА

С Владимиром Петровичем я познакомился в начале девяностых на рыбалке – оказался очень интересным собеседником, мы и подружились. Оказалось, живет в соседнем подъезде, работает в райисполкоме. По утрам к нашему дому подъезжала легковая машина и он уезжал на работу, поздно вечером возвращался. Иногда забегал ко мне, чтобы про-

сто поговорить по душам. Мы оба – заядлые садоводы, а он любил похвастаться: то диковинную тыкву принесет, то яблок...

В то воскресенье он пришел ко мне взволнованный. Я его усадил на кухне, налил чашку чая.

– Ты, Викторovich, сейчас смеяться надо мной будешь. Я ведь с работы уволился.

Я оцепенел от такой новости.

– С чего это вдруг? Ты, никак, Петрович, заболел?

Было заметно, как дрожжала рука, в которой он держал чашку. Вперился в меня взглядом и продолжил:

– Представляешь, уволился по собственному желанию! Не веришь?

– Конечно, не верю...

На кухне воцарилась тишина. Он допил чай.

– Захотелось плюнуть на все. Знал бы ты, Викторovich, как надоели мне эти бесконечные заседания, сессии...

– Чего так?

Он поднялся, собрался уходить.

– А что с того? Толку – то нет! Сам посуди, вон сахар уже только по талонам, в магазинах пустые полки. Не надо людям морочить головы! Понял, наконец, что это не мое... Жалко, что столько лет этой работе отдал...

Я немного успокоился. Поинтересовался:

– А чем дальше думаешь заняться?

Владимир Петрович задумался, затем продолжил:

– Перво – наперво, надо мне отоспаться. В дальнейшем я серьезно надеюсь на помощь друзей.

– А их много?

Он махнул рукой.

– Друзей у меня – не меряно. Знаешь пословицу «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Не поверишь, в день рождения столько приходит открыток, что в ящик почтовый не вмещаются.

Он говорил и говорил, я слушал, не перебивая. Скоро он ушел, а я в понедельник уехал в отпуск к родителям в деревню.

В очередной раз мы встретились на автобусной остановке. Я сначала не узнал его: на голове надета сильно мятая шляпа, небритое лицо, под глазами – мешки. Оказывается, он с дачи возвращался.

– Ну, как, Петрович, дела? – спросил я его, после того, как поздоровались. – Помогли друзья?

– Плохи мои дела, – ответил он. Взял меня под руку и пошел рядом, – Промашка вышла с друзьями...

– То есть как?

Он стал рассказывать:

– Через пару дней после увольнения я взял телефонную книгу и стал звонить всем своим друзьям. Они, конечно, меня подбадривали, обещали помочь с трудоустройством. В тот день я еще тешил себя мыслью, что меня скоро завалят выгодными предложениями. Стал ждать ответных звонков.

Усмехнулся:

– А жена сказала мне: «Не жди, Володя, никто тебе не позвонит. Ты нужен был им, когда находился при власти. Ты не научился друзей выбирать». Петровичу было плохо. Это видно по жестам, осанке, по лицу. Действительно, накипело на душе.

– Мы в тот день поссорились. Она даже заплакала: «Согласна, что у тебя много приятелей. Поверь мне, но это совершенно разные категории: друзья и приятели».

– Представляешь, Викторovich! Все не по – моему обернулось. День жду, два, неделю, месяц уже... И ни одного звонка! Выходит, не заслужил...

– Все образуется, Петрович, вот увидишь, – попытался успокоить его я.

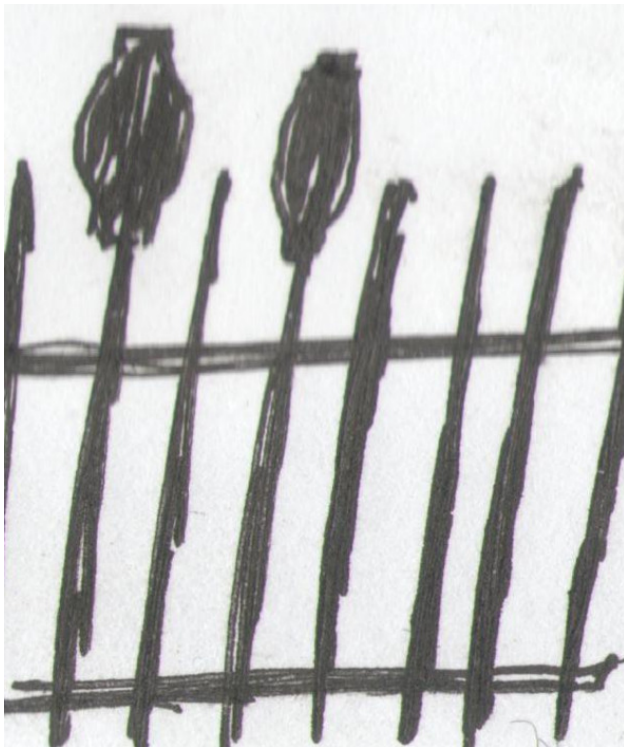
Он положил руку на мое плечо.

– Получается, что друзей у меня, действительно, – раз, два и обчелся... Ты, да я, да мы с тобой?

Обиженно поджал губы, горько вздохнул и развел руками:

– Вот тебе и «друзья». Жена была права...

16. ЗАБОР

Эта история началась с того, что мой сосед продал свой дачный участок. Новый хозяин в первый же месяц снес старенький забор из штакетника, а соорудил из досок.

Соседям он представился Владимиром, но все звали его за глаза – Вованом.

Так случилось, что однажды он поймал на яблоне мальчишку лет пятнадцати. Забрав рюкзак с краснобокими яблоками, вывел за ворота. Мальчишка захныкал:

– Дяденька! Отпустите меня, верните рюкзак. Я больше не буду, честное слово!

Вован исподлобья смотрел на непрошенного гостя..

– Как тебя звать? – спросил он.

– Митька.

– Ладно, Митька. Раз попался, то я тебе наказание придумал, – усмехнулся он. – Забор мне покрасишь. Авось тогда и поумнеешь...

– Кто, я?! – удивленно вскинул брови Митька. Видимо, ожидал худшего.

– Ты, конечно. Читал, небось, у Марка Твена про приключения Тома Сойера?

– Приходилось...

– Там Том Сойер был тоже наказан своей тетей. Забор красить – это тебе от меня наказание. Понимаешь?

– Понимаю, – со вздохом произнес Митька. – Все так, но мне одному не управиться...

Спохватился:

– Между прочим, Том Сойер забор не красил, а белил... За него мальчишки это делали.

– Ладно, – перебил его Вован, – нечего языком болтать.

Больно грамотный! По мне, хоть нанимай гастарбайтеров...
Не моего ума это дело, да и некогда мне...

Зашел в домик, вынес ведро.

– Вот зеленая краска, кисти – крась! Я приеду, отдам тебе
рюкзак, – сказал Вован, запирая на замок ворота. – И без
фокусов тут мне!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.